

Видя, что Сын Неба удалился, наложницы, которые и без того изнемогали от жары и боялись, что их макияж поплывёт, больше не могли оставаться на месте. Одна за другой, опираясь на служанок, они потянулись прочь.

Когда наложницы ушли, жёнам сановников стало куда вольготнее. Группа дам, окутанных шлейфами дорогих духов, переместилась в тенистое место, чтобы пощёлкать семечки. Все они были молодыми женщинами, их сыновья были примерно одного возраста и вместе учились в Гоцзыцзяне, так что тем для разговоров хватало.

Кто-то из них начал с фразы: Мой сын...

Стоило этой теме всплыть, как остановить её стало невозможно.

— Вчера Цзяньсы Чэнь похвалил моего Юн-эра за то, что тот выучил наизусть «Резной дракон литературного сердца», сказал, что он очень прилежен, — произнесла госпожа Чжан, и улыбка тронула уголки её глаз.

Госпожа из дома Чу, аккуратно промокнув губы шёлковым платком, с пренебрежением взглянула на сидящую справа госпожу Чжан:

— Мой Тинфэн в этом году получил девять баллов по аттестации, но он считает, что его познания пока ещё поверхностны, и хочет продолжить обучение в Гоцзыцзяне.

Неудивительно, что госпожа Чу так гордилась. Система аттестации в Гоцзыцзяне Великого Чжоу была балльной. Если за год учащийся набирал восемь баллов, это считалось проходным баллом. При выдающихся успехах, если баллов было больше восьми, можно было окончить обучение досрочно, не дожидаясь положенного срока, и получить государственную должность в обход правил.

— Хм... господину Чу в этом году ведь уже шестнадцать, верно? — раздался ехидный смешок.

Его издала супруга из поместья Чжоу, чьё имение находилось по соседству с особняком Лу. Услышав это, госпожа Чу на мгновение побледнела. И правда, Чу Тинфэн был самым старшим среди детей присутствующих дам, разница в возрасте была велика, и сравнивать их было не совсем уместно.

Увидев, что госпожа Чу притихла, госпожа Чжоу выпрямила шею и легонько коснулась рукой своей прически. Не просто так, а чтобы продемонстрировать шпильку-буяо из нефрита цвета красного личи с висячими кисточками. Эту вещь ей лично пожаловал Сын Неба. У госпожи Чжоу был сын и две дочери. Старшую дочь несколько месяцев назад взяли в гарем, что позволило матери на время почувствовать себя важной особой. Однако в императорском гареме было три тысячи наложниц, и старшую дочь за эти месяцы так и не удостоили милости. Вторая дочь была избалованной и высокомерной, младший сын — бездельником, так что похвастаться было особо нечем. К счастью, двенадцатилетний младший сын Чжоу Дань в

последние два дня перестал пропадать за петушиными боями и прогулками с собаками, став куда послушнее, что дало ей повод для хвастовства.

— Мой Дань-эр в эти дни ни свет ни заря кричит, что пора в Гоцзыцзянь, а вернувшись, запирается в кабинете и упражняется в каллиграфии.

Тут же раздались подобострастные голоса:

— Мой Дэ-эр тоже говорил, что сын поместья Чжоу в последнее время с самого утра сидит в зале Вэньцин.

Другая дама также не упустила случая подлизаться:

— Поздравляю вас, госпожа Чжоу, ваш сын поумнел, скоро будете наслаждаться плодами его успеха. Не то что мой, сплошное беспокойство!

— Ну, это всё потому, что он на днях упал и повредил лицо, вероятно, заодно и голова прояснилась, — сказала госпожа Чжоу и бросила мимолётный взгляд на госпожу Лу.

Эти слова явно предназначались госпоже Лу: так она завуалированно пыталась сказать, что Лу Ин не в своем уме. Дамы поняли намёк и не решились поддержать разговор, воцарилась неловкая тишина.

— Мой Эрлан каждый день приходит в Гоцзыцзянь первым, за все годы он не опоздал ни разу. В прошлом году он сдал экзамен Академии, и, как сказал Цзяньсы Чэнь, Эрлан — первый человек в Великом Чжоу, кто сдал этот экзамен в восемь лет, — госпожа Лу изящными пальцами сняла крышку с чашки, сдула пар и красиво изогнула губы в улыбке. — К тому же, мой Далан такой почтительный: каждый день заботливо разминает мне плечи и моет ноги.

Об успехах Эрлана знали все, а вот об успехах Далана можно было поспорить. Однако эти сказанные вскользь слова госпожи Лу заставили остальных дам прикусить языки. Если сравнивать сыновей, то талантом они не могли тягаться с Эрланом из семьи Лу, а почтительностью — с Даланом. Если сравнивать мужей, то Лу Ган занимал должность высшего ранга при дворе.

Госпожа Лу окинула взглядом присутствующих, затем, улыбаясь, неспешно отпила чаю, и её взгляд естественным образом скользнул к правой стороне поля для игры в цуцзюй. Внезапно она замерла. На трибунах справа не было ни Лу Ина, ни Лу Миня. Госпожа Лу поспешно поставила чашку и встала. Куда подевались Далан и Эрлан?

...

Се Сюнь, покинув поле, даже не успел переодеться и сразу направился во Дворец Юйчунь. Ван

Цюань, личный евнух императора, заметив его издалека, согнулся в поклоне:

— Ваше Высочество Шестой принц, Сын Неба сейчас обсуждает дела с Главным секретарем Лу.

Се Сюнь прекрасно понял скрытый смысл слов Ван Цюаня — беспокоить их нельзя. Он слегка кивнул:

— Благодарю, евнух Ван, за напоминание.

Се Сюнь, разумеется, знал, что Сын Неба беседует с Лу Ганом, он лишь хотел прийти и убедиться в этом лично. Однако, отойдя от Дворца Юйчунь не более чем на десять шагов, он заметил у пруда с лотосами чью-то маленькую подозрительную фигурку. Се Сюнь медленно подошёл ближе.

Среди распустившихся розовых лотосов он увидел маленькое, слегка покрасневшее от смущения личико. Оно сияло красотой, подобно нежному цветку Юйшан, возвышающемуся над водой. Се Сюнь оглянулся на Дворец Юйчунь и с лёгким удивлением спросил:

— Почему ты здесь?

<http://bllate.org/book/21851/2266404>